

Чжун Гуаньбай спросил продавца, где лежат такие бамбуковые таблички с тремя строками.

Продавец, пожилой француз, державший в руках книгу, поднял голову, снял очки и, посмотрев на Чжун Гуаньбая, с улыбкой ответил на беглом китайском:

— Это не продаётся, это чтобы угодить моей жене.

Чжун Гуаньбай сказал:

— Я хочу купить одну, чтобы угодить своей жене.

— Что ты собираешься написать? — спросил продавец, протирая очки.

Стихи, все звуки этого мира...

— Любовь, — ответил Чжун Гуаньбай.

Любовь — это слово, которое слишком часто используют, и всё меньше людей помнят его истинный вес и ценность. Только пройдя через множество испытаний, человек перестаёт злоупотреблять этим словом, как только увидев тысячи гор и рек, перестаёт злоупотреблять красотой.

И старик, казалось, был убеждён этим одним словом. Он надел очки, наклонился и достал из-под прилавка бамбуковую табличку, передавая её Чжун Гуаньбаю.

На ней была изображена гроздь светло-голубых пятилепестковых цветов, похожих на те, что Чжун Гуаньбай уже покупал, возможно, того же вида.

Старик, увидев, что Чжун Гуаньбай пристально смотрит на цветы, объяснил:

— Это «перевёрнутый кувшин», родом из Китая. Его язык цветов — «молчаливое ожидание».

Чжун Гуаньбай положил табличку в нагрудный карман рубашки.

В тот день, когда Лу Цзаоцю закончил играть и вышел из комнаты, он увидел, что с дверного косяка свисает красная верёвка, а на ней — бамбуковая табличка с тремя строками, под которой висел свежий светло-голубой пятилепестковый цветок. Табличка качалась на лёгком ветру, Лу Цзаоцю взял её в ладонь:

*

Ранняя осень

Солнце освещает тебя

Ты освещаешь солнце

*

Цифровое пианино, купленное Чжун Гуаньбаем, стояло в пустой комнате наверху. Когда Лу Цзаоцю вошёл, Чжун Гуаньбай играл на нём, не включив питание.

Падение чёрно-белых клавиш автоматически превращалось в ноты в его голове, это было удивительное ощущение. Лу Цзаоцю, увидев лишь несколько тактов, понял, что это импровизация, но мелодия была настолько ясной, что можно было почувствовать эмоции в звучании.

Он пошёл в комнату для занятий, взял скрипку с ослабленными струнами и, подойдя к Чжун Гуаньбаю, наклонил голову, чтобы прижать скрипку, и настроил её, используя метод, который практиковал бесчисленное количество раз.

Смычок не касался струн, всё зависело от ощущения натяжения пальцами. Это казалось невозможным, но когда Лу Цзаоцю закончил настройку последнего колка, он поднял смычок и сыграл основную мелодию импровизации Чжун Гуаньбая.

Без единой ошибки.

Чжун Гуаньбай почувствовал, как боль и гордость смешались в его груди. Это было слишком. Возможно, он должен начать верить в какую-нибудь религию, любую, лишь бы её божество помогло Лу Цзаоцю выздороветь. Он готов был молиться всю жизнь.

Когда наступил последний день лечения на этой неделе, Лу Инжу позвонила Чжун Гуаньбаю и сказала, что нужно готовиться к лечению Лу Цзаоцю в Германии. Две недели уже прошли.

— Как сейчас обстоят дела? — спросила Лу Инжу.

— Он проходит лечение, пока явных улучшений нет. — Чжун Гуаньбай смотрел на Лу Цзаоцю в барокамере. Тот, казалось, спал, с закрытыми глазами.

Лу Инжу на мгновение замолчала:

— Если остался хотя бы минимальный слух, можно использовать слуховой аппарат. Я уже организовала команду для дальнейшего лечения.

Чжун Гуаньбай услышал на фоне низкий, но твёрдый мужской голос:

— Скажи ему, чтобы перестал играть на скрипке. Позволили ему играть до двадцати с лишним

лет, этого достаточно.

— Инжу, Цзаоцю...

— Я знаю. — С другой стороны провода раздался звук каблучков. Лу Инжу сделала несколько шагов, выйдя из комнаты, и её голос звучал уверенно:

— Я здесь.

Лу Инжу стояла на балконе, глядя на ночное небо восточного полушария. За последние десятилетия здесь выросли небоскрёбы, и окна, словно звёзды, сверкали в ночи, заполненные людьми, которые не знали, чего хотят.

— Госпожа Лу, отчёт за первое полугодие. — Первый секретарь, с безупречно завязанным галстуком, подошёл к ней с папкой документов, тихо напоминая.

Лу Инжу, вместо того чтобы сразу заняться работой, как обычно, осталась стоять спиной к секретарю и спокойно сказала:

— Абе, как тебе эта работа?

Первый секретарь на мгновение замешкался, так как его никогда не спрашивали о чём-то столь простом:

— Очень хорошо.

Лу Инжу:

— Я, конечно, знаю, что это хорошая работа.

Абе:

— Госпожа Лу, я хочу сказать, что мне это нравится.

Лу Инжу повернулась, не глядя на секретаря, и направилась в офис:

— Тогда ты счастливый человек.

Абе последовал за ней, глядя на её идеально пропорциональную фигуру. Это был результат многолетней дисциплины, каждая кость и мышца были сформированы в соответствии с указаниями диетологов и тренеров.

— А вы... — начал он, но сразу осознал, что это крайне неуместный вопрос для подчинённого, будь то о том, нравится ли ей работа или счастлива ли она.

— А счастье — это редкое явление. — Лу Инжу открыла отчёт. — Выходи.

Абе, закрывая дверь, увидел, как Лу Инжу выпрямила спину ещё больше.

Через час на другом полушарии открылась барокамера.

Чжун Гуаньбай, держа цветы, купленные у Элизы, пошёл встретить Лу Цзаоцю.

Дверь в кабинет терапии была открыта, Лу Цзаоцю уже вышел из барокамеры и сидел на стуле. Когда Чжун Гуаньбай подошёл к двери, его туфли коснулись пола, издав лёгкий звук. Лу Цзаоцю сначала слегка повернул голову, а затем открыл глаза и посмотрел на дверь. Это был взгляд человека, который услышал звук и инстинктивно обернулся.

Такой взгляд Чжун Гуаньбай не видел уже давно. В последнее время Лу Цзаоцю, всегда такой уверенный, даже старался не пугаться внезапных объятий или появления людей рядом, потому что все движущиеся объекты появлялись для него слишком внезапно, словно из ниоткуда.

Чжун Гуаньбай бесконечно жалел Лу Цзаоцю, который вздрагивал от объятий. Каждая минута казалась вечностью, и эта жалость постепенно превратилась в изнурительную болезнь.

И теперь один лишь взгляд Лу Цзаоцю излечил его.

Он замер на месте, открыл рот, но не осмелился заговорить.

Лу Цзаоцю тихо сказал:

— Подойди.

Чжун Гуаньбай сделал шаг вперёд, и его туфли снова легонько стукнули по полу.

Мизинец левой руки Лу Цзаоцю слегка дёрнулся, и он кивнул.

Чжун Гуаньбай застыл на две секунды, а затем, как ребёнок, подпрыгнул, и его туфли с громким стуком ударились об пол, словно он хотел разрушить весь госпиталь.

Они долго смотрели друг на друга, и выражение лица Лу Цзаоцю несколько раз изменилось, но в конце он, словно родитель, который хочет научить ребёнка, но не может быть строгим, с лёгкой улыбкой сказал:

— Ты мог бы быть потише.

Сидящий напротив врач тоже улыбнулся.

Из всех стихов, написанных поэтами за века, для Чжун Гуаньбая не было строки лучше, чем эта: «Потише».

Чжун Гуаньбай бросился к нему, сделал два шага и остановился, осторожно позвав:

— Цзаоцю? Лу?

Лу Цзаоцю смотрел на него, словно наслаждаясь звуком своего имени и титула. Прошло много времени, прежде чем он ответил:

— Я здесь.

Чжун Гуаньбай, сдерживая невероятную радость и сильный страх, шаг за шагом, очень медленно, словно боясь разбить Лу Цзаоцю даже на расстоянии, подошёл к нему. С каждым шагом он осторожно звал:

— Цзаоцю?

— Я здесь.

Когда он подошёл вплотную, Чжун Гуаньбай не осмелился сказать ничего больше, только снова позвал:

— Цзаоцю?

— Я здесь.

После повторного осмотра врач заключил:

— Потеря слуха на высоких частотах всё ещё присутствует, иногда может быть шум в ушах, но на остальных частотах слух восстановился. После дальнейшего лечения он должен полностью выздороветь.

В тот день Чжун Гуаньбай, как сумасшедший, повёз Лу Цзаоцю в музыкальный магазин, где он покупал цифровое пианино, и сыграл на всех инструментах, от клавишных до струнных, от духовых до ударных, независимо от того, умел ли он на них играть. Все электронные инструменты были подключены, все динамики включены.

Он даже взял в руки какой-то неизвестный струнный инструмент, играл на нём и пел Лу Цзаоцю любовную песню.